

с непокрытой головой, чтобы ребенок впоследствии не стал манкуртом – «потерявшим рассудок» [9, с. 125]. Платок, надеваемый на голову верблюдице, родившей белого верблюжонка, и его образный эквивалент – платок кормящей матери, становится у автора птицей Доненбай, напоминающей человеку о его роде, корнях.

В авторском мифе о птице Доненбай, в которую превратился платок убитой Найман-Аны, подспудно присутствует мотив оборотничества: можно предположить, что не платок превращается в птицу, а душа убитой героини. Писатель трансформирует архаичский мотив, подвергая его известной степени

рационализации – превращается не героиня, а её атрибут, непосредственно связанный с признаком материнства. Автор постепенно подготавливает читателя к реализации мифологического представления о душе как птице, неоднократно сравнивая Найман-Ану с последней («словно бы она действительно придушила ту вскрикнувшую птицу в себе», «как птица, вспугнутая с гнезда, кружила», «задавила в себе возникшую тревогу, как вскрикнувшую раненую птицу») [7, с. 304, 316]. В результате этиологическая окраска утрачивается, и миф становится поэтической метафорой, которая работает на создание образа матери.

Литература

1. Айтматов Ч. Собр. соч.: в 3 т. – М.: Мол. гвардия, 1984. – Т. 3. – 575 с.
2. Каскабасов С. А. Золотая жила. Избранные исследования. – Астана: Елорда, 2000. – Ч. 1. – 752 с.
3. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 366 с.
4. Садыкова Г. Б. Романы Чингиза Айтматова в русской критике: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 152 с.
5. Жирмунский В. М. Сказание об Идиге // Тюркский героический эпос. – Л., 1974. – С. 351–386.
6. Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М., 1988. – С. 7–60.
7. Айтматов Ч. Т. Собр. соч.: в 3 т. – М.: Мол. гвардия, 1982. – Т. 2. – 495 с.
8. Асаналиев А. Чингиз Айтматов: поэтика художественного образа: дис. ... д-ра филол. наук. – Фрунзе, 1989. – 220 с.
9. Кайбабулы А., Бопайулы Б. Казак Ырымдары = Казахские поверья / бас редактор А. Нысанбаев. – Алматы: «Казак энциклопедиясы» бас редакциясы, 1998. – 160 с.

УДК 82.06

Э. М. Афанасьева

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ПАРА «ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИК»: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛЬНОГО МИФА В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА

Статья посвящена одному из аспектов персонального мифа, оформившегося в раннем творчестве А. С. Пушкина. Объектом исследования являются стихотворения, в которых упоминается дядя поэта В. Л. Пушкин. В процессе анализа текстов выявляются генеалогические парадигмы (дядя – племянник, поэтическое братство, «парнасский отец»), оказавшиеся продуктивными для авторской онтологии имени. Отдельное внимание уделяется эстетике и мифологии литературного общества «Арзамас».

Ключевые слова: А. С. Пушкин, лирика, имя, генеалогические мотивы, персональный миф.

E. M. Afanasyeva

GENEALOGICAL COUPLE «UNCLE AND NEPHEW»: TO A PROBLEM OF FORMATION OF THE PERSONAL MYTH IN PUSHKIN'S LYRIC POETRY

This article covers one of aspects of the personal myth which appeared in early works of Alexander Pushkin. The poems that mention the poet's uncle V. L. Pushkin are the research object. The course of analysis of texts reveals the genealogical paradigm (uncle – nephew, poetic brotherhood, «Parnassian father») productive for author's ontology of name. Special attention is given to the aesthetics and mythology of literary society «Arzamas».

Keywords: Alexander Pushkin, lyric poetry, name, genealogical motives, personal myth.

Имяосмысление и генеалогические мотивы лежат в основе персонального мифа А. С. Пушкина. Уже на начальном этапе творчества юный поэт оказался перед выбором сознательной шифровки собственного имени или его эстетического самоопределения. Первые произведения Пушкина выходят в свет под многочисленными псевдонимами. Среди них: Александр Н. к. ш. п., Александр Нкшп., – П –, 1 ... 14–16., 1 ... 17–14., Александр Н.– П., 1 ... 14–17., 1 ... 16–14., 1 ... 17–14 [1]. В системе «биографической шифровки», в первую очередь, можно отметить стремление зашифровать фамилию, спрятать ее за анаграммой. Тем значительней ситуация поэтической актуализации родового имени в ранних стихотворениях поэта, когда оно становится не только лирической темой, но знаком реализации поэтической судьбы. Уже к 1817 году, ко времени окончания лица, игровые варианты подписей под произведениями преодолеваются идеей имявоплощения. Об этом свидетельствует работа над первым собранием произведений в тетради, озаглавленной: «Стихотворения Александра Пушкина» [2, с. 104–107]. Позже именно в таком варианте номинации будут осуществлены издания стихотворений в 1826 и в 1829–35 годах [3].

В то же время, уже в лицейский период очевиден интерес Пушкина к эстетиче-

скому имявоплощению в стихотворениях «Mon portrait» (1814) и «Моя эпитафия» (1815), где родовая лексема «Пушкин» становится фактом лирического события. На раннем этапе актуализации фамилии в художественном мире знаковым окажется процесс самообъективации в соотнесении с ироническим модусом художественности [4].

Между тем, вводя родовое имя в эстетический контекст, юный поэт сталкивался с непростой ситуацией. Имя *Пушкин* в литературных кругах начала XIX века ассоциировалось с именем его дяди В. Л. Пушкина (1766–1830), который был на волне популярности после широкого распространения в рукописях поэмы «Опасный сосед» (1811). Из-за фривольного содержания произведения не могло быть и речи о его публикации. Пристойное изображение непристойных сцен, стремительность повествования, смелое сочетание разностилевой лексики, ироничное осмеяние литературных оппонентов (А. С. Шишкова и его сторонников) [5, с. 12–13] – все это впоследствии будет в поле зрения поэтов, образовавших литературное общество «Арзамас», членами которого были оба Пушкина.

Входя в литературу, как родственник известного поэта, младший Пушкин не упускает возможности поэтического осмысления возникшей генеалогической пары: Пушкин-

дядя и Пушкин-племянник. Вопрос о творческом взаимодействии двух поэтов поставлен в исследованиях Д. И. Бернштейна [6], В. В. Кунина [7, с. 9–39], Н. И. Михайловой [5, с. 9–39; 8; 9] и др. Очевидно, что в литературоведении интерес вызывали вопросы личных взаимоотношений, а стихотворения начинающего А. Пушкина часто использовались в качестве аргументов в биографических разысканиях. Между тем, эстетическое осмысление категории родства, соотношенного с темой творчества, достойно специального литературоведческого анализа.

Уже в лицейской лирике А. Пушкина появляется ситуация опекуновства и родственной заботы старшего Пушкина. В послании «К Дельвигу» (1815) образу «дядюшки» отводится ключевая роль в складывающейся творческой биографии юного поэта:

Поэтов грешный лик
Умножил я собою,
И я главой поник
Пред милою мечтою;
Мой дядюшка-поэт
На то меня сосватал.
Сначала я шалил,
Шутя стихи кроил,
А там их напечатал... [10, с. 107].

В послании возникает тема родственной преемственности, родства не только по крови, но и по духу. Уменьшительно-ласкательная форма обращения «дядюшка-поэт» формирует мотив покровительственной заботы над поэтическими шалостями и шутками племянника. Семейное тепло и забота придают уверенность лирическому герою, который сначала, по благословению родственника-поэта, играючи пишет стихи, а потом решается на их публикацию.

Собственно диалог с дядей-поэтом появляется в стихотворениях: «Городок» (1814–1815 годы), «Дяде, назвавшему сочинителя братом» (1816 год), «Из письма В. Л. Пушкину» («Христос воскрес, питомец Феба»

(1816 год)), «Скажи, парнасский мой отец» (1817 год). Из четырех текстов три были опубликованы при жизни автора. Только послание 1816 года «Христос воскрес, питомец Феба» впервые увидит свет в 1856 году [10, с. 377]. Во всех упоминаемых стихотворениях имя В. Л. Пушкина не называется, но подразумевается, онтологический принцип именования реализуется через минус-прием, номинология выносится за текстовую реальность, но рецептивно присутствует в метафорах родства и генеалогических мотивах. В. Л. Пушкин в этих стихотворениях называется: «Буянова певец» («Городок»), «дядя» («Дяде, назвавшему сочинителя братом»), «питомец Феба» («Из письма В. Л. Пушкину») и «парнасский отец» («Послание В. Л. Пушкину», 1816 год). В лирике младшего Пушкина метафоры родства проецируются на образ дяди-поэта, на его творчество (когда писатель мыслится «отцом» своих произведений) и на ситуацию литературной преемственности (старший поэт мыслится «отцом» для поэта младшего). При этом, генеалогические модели оказываются весьма подвижными.

Эстетическое осмысление собственной фамилии в контексте родственной пары дядя–племянник создает условие, с одной стороны, для творческой реализации генеалогического потенциала родового имени, с другой – формирует почву для индивидуализации собственной поэтической судьбы. В данном случае очевидно влияние арзамасской эстетики [11, 12, 13]. Первые русские романтики активно разрабатывали генеалогические модели в процессе формирования поэтической мифологии братства «бессмертных гениев». Они признавали себя «братьями по Аполлону» и выстраивали сложную эстетико-игровую родословную на основе литературных прозвищ, взятых из баллад В. А. Жуковского [14]. Находясь внутри арзамасской среды, А. Пушкин активно включается в данный процесс.

В стихотворении «Городок» отсутствует прямое обращение к дяде, здесь появляется его парафрастическое именование по герою поэмы «Опасный сосед», что отсылает к затекстовой ситуации:

И ты, замысловатый
Буянова певец,
 В картинах толь богатый
 И вкуса образец...
 (выделено в первоисточнике. – Э. А.) [10, с. 76].

Упомянув героя поэмы, А. С. Пушкин использует форму межтекстового диалога. Автор «Городка», описывая свою библиотеку, среди рукописных сокровищ, спрятанных на нижней полке, называет автора «Опасного соседа», воспевшего Буянова.

Отдельного внимания заслуживает лицевое послание «Дяде, назвавшего сочинителя братом», где родственные отношения становятся основой поэтической игры. Стихотворение входило в контекст письма В. Л. Пушкину, что делает прозрачной его адресацию. Это письмо в 1821 году было опубликовано в «Сыне Отечества» [10, с. 381], таким образом, диалог двух Пушкиных-поэтов стал достоянием читающей публики. Кроме того, текст послания, как самостоятельное произведение, входил в ряд рукописных сборников, в частности, в «Собрание лицейских стихотворений» [10, с. 381].

Новогоднее письмо А. С. Пушкина В. Л. Пушкину 1816 года воссоздает стилистику арзамасского общения [13]. Стихотворения в его контексте перемежаются прозаическими вкраплениями, имитация разговорной речи способствует смене тем, в ироническую модальность вовлекается как образ адресата, так и адресанта, а в игровую сферу попадает целый комплекс тем: родственные связи, арзамасская дружба, творческие предпочтения. И все это в ситуации смены старого года новым, когда подводятся своеобразные итоги и выстраиваются прогнозы на будущее.

Тема творчества, актуальная для арзамасской переписки, открывает декабрьское письмо 1816 года. Поэт-племянник обращается к дяде-поэту на языке поэзии:

Тебе, о Нестор Арзамаса,
 В боях воспитанный поэт,
 Опасный для певцов сосед
 На страшной высоте Парнаса,
 Защитник вкуса, грозный *Вот!*
 Тебе, мой дядя, в новый год
 Веселья прежнего желанье
 И слабый сердца перевод –
 В стихах и прозою посланье [10, с. 308].

Образ адресата, прежде всего, воссоздается через аллюзии на его статус «старейшины» Арзамаса. В. Л. Пушкин был старостой литературного общества и самым старшим его участником. К моменту основания общества «бессмертных гениев» ему было 49 лет (а младшему Пушкину – 16). Батальная метафора проецируется на борьбу с академической «Беседой» против архаики и безвкусицы. Название фривольной поэмы «Опасный сосед» лишается номинативной функции и соотносится с мотивом парнасского соперничества. Таким образом, первые пять стихов – это развернутый номинологический комплекс иронико-героической характеристики адресата. Завершается этот семантический блок упоминанием арзамасского прозвища «Вот!», усиленного эпитетами защиты вкуса и угрозы литературным оппонентам. По большому счету, начало послания – грамматически не завершенное предложение. В нем нет главных членов: подлежащего и сказуемого! Только с именованием адресата «дядей» в следующем семантическом блоке лирическая тема получит грамматическое завершение. Таким образом, большая часть текста – это развернутое обращение к славному дяде-поэту. Характерно, что именно в этом иронико-игровом послании найдена поэтическая формула к будущему письму Татьяны к Онегину: «слабый сердца перевод».

Выстраиваемая далее в новогоднем письме 1816 года оппозиция «дядя – брат» базируется на терминологии родства. Метафорическому поэтическому братству противопоставляются реальные родственные отношения, что создает условие для игровой ситуации:

«В письме вашем вы назвали меня братом, но я не осмелился назвать вас этим именем, слишком для меня лестным.

Я не совсем еще рассудок потерял,
От рифм бахических шатаюсь на Пегасе:
Я знаю сам себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет, вы мне совсем не брат:
Вы дядя мне и на Парнасе.

Итак, любезнейший из всех дядей-поэтов здешнего мира – можно ли надеяться, что вы простите мне девятимесячную беременность пера ленивейшего из поэтов-племянников?» [10, с. 308].

Оригинальность извинения в декабре 1816 года, с учетом затянувшегося ответа племянника, отсылает к письму В. Л. Пушкина от 17 апреля этого года [15, с. 579], где есть следующее признание: «Что до тебя касается, мне в любви моей тебя уверять не должно. Ты сын Сергея Львовича и брат мне по Аполлону. Этого довольно» [5, с. 211].

Заданная старшим Пушкиным тема диктует выбор лексики и манеру письма племянника. Родословная путаница у А. Пушкина усилена словесной путаницей (имитирующим смущенное бормотание):

Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет – вы мне совсем не брат... [10, с. 308].

Лирический герой отказывается от условно-литературного именованья и называет адресата «дядей», что вводит в творческую историю «парнасской мифологии» эстетизированные реалии настоящей родословной.

В следующем лицейском послании <Из письма В. Л. Пушкину> («Христос вос-

крес, питомец Феба» (1816 год)) именование адресата соотнесено с мифологической метафорой:

Христос воскрес, питомец Феба!
Дай бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес... [10, с. 141].

В одном стихе соединяются христианские и языческие культурные контексты, что придает особое универсальное значение теме творчества (правда, в иронической модальности). Диалог поэта-племянника с поэтом-дядей вводит мотив творческой родословной, семьи поэтов, осмысленной в духе арзамасской эстетики.

В стихотворении «Скажи, парнасский мой отец» (1817), так же как и в послании «Дяде, назвавшего сочинителя братом» (1816), присутствует образ Парнаса (ср.: «Скажи парнасский мой отец», «Вы дядя мне и на Парнасе»). Литературная метафора, восходящая к греческой мифологии, адаптируется в ранней лирике Пушкина в соотнесении с эстетической моделью родства истинных поэтов. При этом очевиден интерес к игровой реализации генеалогической лексики при упоминании родственника-поэта, когда он именуется то дядей, то отцом. В свою очередь, В. Л. Пушкин называет племянника «братом». За игровым процессом размыwania реалий истинных родословных связей очевидным становится эстетический процесс формирования генеалогических мотивов русского романтизма. Становление нового литературного направления определило мифологическую парадигму парнасского братства поэтов, для реализации которой актуальными оказались только термины ближайшего родства: отец, мать, сын, брат, сестра. Это создавало стройную систему поэтической иерархии и равенства. Оба Пушкиных в арзамасский период истинные родственные отношения сделали объектом эстетической реальности, однако включили их в общую ге-

неологическую модель раннего романтизма. Следуя мифологической логике арзамасской игры, в поэтической реальности дядя и племянник становились «братьями по Аполлону», а старший Пушкин превращался в «парнасского отца».

Укажем на некоторые закономерности дальнейшего развития заданной в юношеской лирике родословной парадигмы. Генеалогическая пара дядя-племянник будет активно утверждаться в зрелом творчестве А. С. Пушкина. Первая глава романа «Евгений Онегин» начинается раздумьями главного героя об умирающем дяде. Поездка в провинцию постепенно открывает Онегину жизненный уклад родственника, у которого он наследует поместье. Процесс житнетворческой игры с «Опасным соседом» В. Л. Пушкина обернется эстетизацией родства автора романа с «зазорным братцем» Буяновым, появляющимся на именинах Татьяны [16].

Знаковую роль играет генеалогическая пара дядя-племянник в системе персонажей «Бориса Годунова». В трагедии о начале Смутного времени исторические события разделяют родственников: старший Пушкин оказывается на стороне правящего царя, младший – на стороне самозванца.

Но именно их переписка формирует напряженный нерв трагедии: весть о появлении Лжедмитрия доставляется в Москву Афанасию Пушкину с гонцом от племянника из Кракова. Слова Годунова: «Противен мне род Пушкиных мятежный» [17, с. 45], учитывая контекст произведения, свидетельствуют не только о древней родовой спеси, но и о разветвленности генеалогического древа через не прямое родство. Именно оно послужит основой для «стяжения» двух параллельно развивающихся событий трагедии: истории Бориса Годунова и Лжедмитрия.

В ситуации интерсубъективности, поэтического диалога двух Пушкиных в соотнесении с генеалогическим потенциалом родового имени, реальная парадигма «дядя-племянник» в зрелом творчестве становится литературным приемом. Статус непрямого родства одновременно определяет и осознание генеалогических ценностей, и относительную свободу от них. Именно поэтому данная модель родственных отношений в художественном мире Пушкина оформила магнетическое поле масштабности заявленных для рефлексии тем: от поэзии до жизненного уклада и политики.

Литература

1. Цявловский М. А. Хронология лицейских стихотворений // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 82–89.
2. Томашевский Б. В. Пушкин: в 2 кн. – М.: Художественная литература, 1990. – Кн. 1.
3. Сидяков Л. С. Прижизненный свод пушкинской поэзии // Стихотворения Александра Пушкина. – СПб.: Наука, 1997. – С. 397–457.
4. Афанасьева Э. М. Мифологема родового имени в лицейской лирике Пушкина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. – № 329. – Дек. – С. 7–11.
5. Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма / сост., вступ. ст., примеч. Н. И. Михайловой. – М.: Советская Россия, 1989.
6. Бернштейн Д. И. Пушкин В. Л. // Литературная энциклопедия: в 11 т. – М.: Наука, 1989. – Т. 9. – С. 375–390.
7. Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники: в 2 т. – М.: Наука, 1984. – Т. 1.
8. Михайлова Н. И. Писатель нежный, тонкий, острый, мой дядюшка... // Наше наследие. – 2007. – № 83–84. – С. 20–27.
9. Михайлова Н. И. Парнасский мой отец. – М.: Советская Россия, 1983.

10. Пушкин А. С. Полное собр. соч.: в 17 т. – М.: Воскресение, 1994. – Т. 1.
11. Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999.
12. Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. – Л.: Наука. 1974.
13. Тодд III У. М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. – СПб.: Академический проект, 1994. – (Серия «Современная западная русистика»).
14. Афанасьева Э. М. Арзамасское имя: ритуально-мифологические основы эстетической шутки // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 3. – С. 9–17.
15. «Арзамас»: Сборник: в 2 кн. – М.: Художественная литература, 1994. – Кн. 2.
16. Михайлова Н. И. Буянов // Онегинская энциклопедия / под общ. ред. Н. И. Михайловой: в 2 т. – М.: Русский путь, 1999. – Т. 1. – С. 147–148.
17. Пушкин А. С. Полное собр. соч.: в 17 т. ... Т. 7.

УДК 8

С. Д. Титаренко

**ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТЬ В ПОЭТИКЕ СИМВОЛИСТОВ:
МЕТАМОРФОЗЫ СЮЖЕТА БЛАГОВЕЩЕНИЯ
У А. БЛОКА И ВЯЧ. ИВАНОВА**

Главная задача статьи – показать, что экфрасис в форме образа реального произведения (картины или иконы) становится основой символического языка повествования в лиро-эпических произведениях поэтов русского символизма Вячеслава Иванова и Александра Блока. В центре внимания – влияние английских художников-прерафаэлитов, на основе которого происходят трансформации сюжета и образов Благовещения в поэме Блока «Ночная фиалка» и поэме Иванова «Младенчество». Формирование визуальных образов является основой интермедальности.

Ключевые слова: русский символизм, прерафаэлиты, интермедальность, визуальный образ, символический язык, экфрасис.

S. D. Titarenko

**INTERMEDIABILITY IN POETICS OF SYMBOLISTS:
METAMORPHOSES OF THE ANNUNTIATION IN POEMS
OF ALEXANDER BLOK AND VYACHESLAV IVANOV**

The goal of the article is to specify that ekphrasis as an image of real piece of art (painting or icon) becomes the basis of symbolic language of narration in lyric epic works of poets of Russian Symbolism Vyacheslav Ivanov and Alexander Blok. The focus is made on influence of English Pre-Raphaelites as it transforms the plot and visual concept of the Annuntiation in the poems *Night Violet* by Alexander Blok and *Mladenchestvo* Vyacheslav Ivanov. Formation of the visual concepts is the basis of intermediality.

Keywords: Russian Symbolism, Pre-Raphaelites, intermediality, visual image, symbolic language, ekphrasis.